

Д.Ю. Плотников

## ТЕОРИЯ ВОЕННОГО ИСКУССТВА И КАВКАЗСКАЯ КАМПАНИЯ 1855 г.: ГЕНЕРАЛ ОТ ИНФАНТЕРИИ Н.Н. МУРАВЬЁВ КАК ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ А.-А. ЖОМИНИ

Рассматривается ведение кампании 1855 г. на Кавказском театре военных действий Крымской войны 1853–1856 гг. командующим Отдельным Кавказским корпусом Н.Н. Муравьевым. Действия генерала Муравьева анализируются на предмет сходства с военной теорией А.-А. Жомини. Установлено, что взгляды Н.Н. Муравьева на военное искусство совпадали со взглядами Жомини. Сделан вывод, что генерал Муравьев в кампанию 1855 г. проявил себя как последователь А.-А. Жомини, что иллюстрирует влияние последнего на умы русского генералитета в годы Крымской войны.

**Ключевые слова:** Крымская война; теория военного искусства; Н.Н. Муравьев; Жомини.

В 1817 г., сетуя на меняющийся облик гусарского офицера, Денис Давыдов посвятил своим младшим сослуживцам следующие строки:

«Говорят, умней они...

Но что слышим от любого?

Жомини да Жомини!

А об водке – ни полслова!»

Без малого полтора века спустя Е.В. Тарле, характеризуя офицерский корпус армии Николая I накануне Крымской войны 1853–1856 гг., саркастически отметил, что к этому времени «водка одержала окончательную победу над Жомини» [1. С. 67]. Столь суровая оценка далеко не бесосновательна, но было бы недопустимо ограничить ее одной – хотя бы потому, что она словно освобождает историка от необходимости изучать военно-теоретические взгляды генералов николаевской армии. Между тем такая необходимость не только существует, но и сохраняет изрядную историческую актуальность. Во всяком случае, несомненно, что в том обороте, который события приняли для Русской императорской армии, наибольшую роль сыграли отнюдь не горячительные напитки, а представления русских генералов – верные или ошибочные, отвечающие обстановке или нет – о военном искусстве. Тот самый Антуан-Анри Жомини – крупный военный теоретик, успевший побывать и на русской службе, – определенно занимал в умах царских военачальников куда более видное место, чем может показаться на первый, поверхностный взгляд. Любопытный пример этого дает кампания 1855 г. на Кавказском ТВД, которую Отдельный Кавказский корпус прошел под началом генерала от инфантерии Н.Н. Муравьева. Поэтому цель настоящей статьи – установить влияние Жомини на Муравьева в вопросах оперативного искусства в кампании 1855 г. на Кавказе.

Историография неоднократно обращалась к кавказским кампаниям Крымской войны, но, по существу, не предпринимала попыток проанализировать военные действия с точки зрения современной им военно-теоретической мысли. Только Б. Эсадзе и С. Эсадзе отметили, что «Муравьев со своими несколько устаревшими взглядами на дело обучения и воспитания войск шел вразрез с начинавшим тогда устанавливаться новым направлением в этих вопросах» [2. С. 101], но и в этом случае, вполне очевидно, речь идет не о методах ведения операций и управления ими. Как правило, историки ограничивались рас-

смотрением отдельных эпизодов, имеющих ценность для оперативного анализа кампании, но, в силу своей изолированности, недостаточных по отдельности. М.И. Богданович обратил внимание на сложности взаимодействия между Александропольским и Эриванским отрядами в начале кампании и в ходе Кёпрюкёйской операции, взвалив вину на командовавшего Эриванским отрядом генерал-майора А.А. Суслова [3. С. 85–591]. С этими оценками оказались солидарны У.Э.Д. Аллен и П. Муратов, пенявшие генералу Суслову за его пассивность [4. Р. 87–88]. Тех же эпизодов, но с прямо противоположной оценкой коснулся Л. Горев, обвинив уже самого Муравьева в нерешительности [5. С. 206] и охарактеризовав его как «так называемого полководца» [Там же. С. 213]. Сходной точки зрения придерживался и Дж.Ш. Кёртисс [6. Р. 411–412], присовокупив к обвинениям в адрес кавказского наместника и его нежелание прислушаться к компетентному мнению генерал-майора Я.П. Бакланова по поводу действий против Карса [Ibid. Р. 409]. Этот последний сюжет подробно развивал еще Е.В. Тарле, сделав служебное взаимодействие между генералами Муравьевым и Баклановым основным содержанием главы о кавказских кампаниях 1854–1855 гг. [1. С. 483–492].

Таким образом, историография накопила немало отдельных фрагментов мозаики, но практически не пыталась сложить их в целостную картину и отследить, какие военно-теоретические взгляды вызвали эту картину к жизни. А.А. Свечин один из немногих рассматривал Крымскую войну именно в русле современной ей военной теории и охарактеризовал ведение войны русскими как слепое следование заветам классической постнаполеоновской мысли [7. Т. 1. С. 73], но, к сожалению, совершенно не рассматривал военные действия на Кавказе.

В интересах связного повествования необходимо, прежде всего, дать краткий очерк кавказской кампании 1855 г. со всеми эпизодами, имеющими значение для исследуемой темы. Это позволит проанализировать их на предмет соответствия учению Жомини и сформулировать окончательные выводы.

Накануне кампании 1855 г. Отдельный Кавказский корпус находился в заметно лучшем положении, чем годом или двумя ранее. Разбитые в 1853–1854 гг. турецкие войска понесли тяжелые потери и перешли к обороне, что позволило корпусу не только прочно

завладеть инициативой, но и впервые за всю войну получить небольшое численное превосходство над противником. Русскими войсками руководил генерал от инфантерии Н.Н. Муравьев, назначенный в конце 1854 г. новым Наместником Кавказским и, следовательно, командующим Отдельным Кавказским корпусом. Главной целью предстоящей кампании генерал Муравьев видел взятие крепости Карс с обороняющим ее турецким гарнизоном, составлявшим главные силы Анатолийской армии (турецкие войска в Малой Азии). Необходимо отметить, что сам по себе Карс практически не интересовал наместника – объектом его внимания были исключительно сосредоточенные в нем войска. Как говорил сам военачальник, «с приобретением сей крепости, не ключ приобретали мы Малой Азии, а поражали все действующие силы неприятеля» [8. С. 330]. Второстепенной целью кампании русский генерал считал Эрзерум – столицу Восточной Анатолии, расположенную в глубине театра военных действий и огражденную горными хребтами Согоанлуг и Агрыдаг. Для достижения обеих целей Муравьев сгруппировал войска следующим образом: черноморское побережье оборонял Гурийский отряд, насчитывавший до 10 000 человек при 28 орудиях [3. С. 620], против Карса действовали Александропольский (24  $\frac{1}{4}$  батальона, 28 эскадронов и 19 сотен при 76 орудиях [9. С. 341–342], всего – 24 500 человек) и Ахалкалакский (10 батальонов, 5 сотен и 12 орудий, около 10 000 человек [Там же. С. 342]) отряды, а на направлении Эривань – Баязет располагался Эриванский отряд – 5 батальонов и 16 сотен при 8 орудиях, всего до 5 000 человек [10. С. 277–278].

Турецкая группировка в Батуме насчитывала около 7 000–8 000 человек [11. С. 83], из них вполне боеготовых – около 3 500 [12. Р. 19; 13. Р. 244]. В Карсе располагалось 16 900 солдат регулярных войск и 42 полевых орудия [12. Р. 4], не считая крепостной артиллерии, а также иррегулярные части [14. Р. 82–83] и 800 вооруженных местных жителей [12. Р. 12], всего немногим более 20 000 человек. В Баязетской долине, прикрывая Эрзерум со стороны Эривани и Баязета, находилось до 6 000 человек при 16 орудиях [3. С. 579] (некоторые источники дают 32 [9. С. 337]). Необходимо отметить, что русская разведка очень близко к истине установила и численность, и расположение вражеских войск [9. С. 336–337]. Это заметно облегчает историческое изучение кампании, поскольку представления современников об обстановке и сведения, имеющиеся у нынешнего историка, должны быть фактически тождественны. Главнокомандующим турецкими войсками был Васиф Мехмед-паша, реальное руководство кампанией фактически сосредоточил в своих руках английский полковник (позднее бригадный генерал) Ф. Вильямс, комиссар ее величества при Анатолийской армии и душа обороны Карса.

Русские войска открыли кампанию в конце мая – начале июня. Войска Александропольского и Ахалкалакского отрядов двинулись вперед и, соединившись, встали лагерем под Карсом (Ахалкалакский отряд успел по пути без боя занять Ардаган). При первом приближении к Карсу в июне 1855 г. опытный каза-

чий генерал Я.П. Бакланов убеждал командующего, что укрепления с южной стороны Карса еще не окончены, могут быть легко заняты, и «настоящая минута есть самая благоприятная для овладения Карсом и... в противном случае кампания затянется надолго» [15. С. 573] (этот эпизод упоминают также Тарле [1. С. 485] и Кёртисс [6. Р. 409]). Даже притом что командующий согласился с оценкой ситуации Баклановым, штурм на настоящем этапе в его планы не входил, и высказанная казачьим генералом инициатива осталась без последствий. Этот эпизод уже на ранней стадии кампании продемонстрировал, что, с точки зрения Муравьева, роль подчиненных в планировании операций должна была сводиться к выражению согласия с командующим.

Несколько сложнее проходило выступление Эриванского отряда. Ввиду отсутствия подножного корма для лошадей на северной стороне хребта Агрыдаг командующий отрядом генерал-майор А.А. Суслов запросил у командования разрешение перейти на южную, турецкую сторону, где не должно было быть проблем с фуражом. Получив такое разрешение в конце двадцатых чисел месяца, к 31 мая (12 июня) все силы Эриванского отряда (5 батальонов, 16 сотен и 8 орудий) были сосредоточены для перехода через границу, а кавалерия в тот же день вступила на турецкую территорию. На следующий день через хребет начали переходить пехота и обоз, и к 3 (15) июня Эриванский отряд был сосредоточен у селения Дутаг. Уже после этого было получено распоряжение Муравьева двигаться в горы по направлению к озеру Балык, не переходя хребта. Учитывая, что повторный переход Агрыдага со всем обозом только исключал тот оперативный простор, который предоставляла позиция при селении Дутаг, а также мог утомить и задержать войска, генерал Суслов доложил о нецелесообразности такого шага и 9 (21) июня получил разрешение оставить войска на турецкой территории [10. С. 281–284].

Перейдя через Агрыдаг, Эриванский отряд оказался на расстоянии около 25 верст от турецкого лагеря при Сурб-Оганесе. Полученное 9 (21) июня распоряжение главнокомандующего запрещало генерал-майору А.А. Суслову атаковать неприятеля, так как «он (Н.Н. Муравьев. – Д.П.) не полагает, чтобы Эриванский отряд был в силах один атаковать неприятельский лагерь» [Там же. С. 284]. Суслов понял это в том смысле, что ему вообще запрещено действовать наступательно [9. С. 363], а Муравьев позднее пояснял, что запрещал лишь штурмовать укрепления, но не преследовать отступающего врага [Там же. С. 368]. Пока длилась переписка между командующим и подчиненным, турецкий Баязетский корпус скрытно оставил лагерь и в ночь на 12 (24) июня отступил из угрожаемого положения.

Выступление Эриванского отряда и Сурб-Оганесское противостояние иллюстрируют сразу две тенденции, которые были характерны для кампании 1855 г. Во-первых, надо отметить стремление Муравьева напрямую управлять отрядом, удаленным от него на 200 километров по не самым лучшим дорогам. Во-вторых, примечательно то абсолютное неве-

дение насчет намерений непосредственного начальника, в котором Наместник Кавказский держит генерала Суслова. Вместо четкого оперативного ориентира на предстоящую кампанию командующего Эриванским отрядом бомбардировали противоречивыми и часто сменяющимися друг друга приказами, что, конечно, не могло положительно сказаться на эффективности его действий.

Следует отметить, что Сурб-Оганесское противостояние было только началом проблем, возникавших в ходе служебного взаимодействия Н.Н. Муравьева и А.А. Суслова. В конце июня генерал Суслов отправил командующему очередной рапорт. Командир Эриванского отряда, вероятно, все еще обеспокоенный сумбурным началом кампании и своей неудачей под Сурб-Оганесом, известил Муравьева, что, действуя между Баязетом и Алашкертом, как предписано последним приказанием, теряет соприкосновение с отступившим Баязетским отрядом, находящимся у Кёпрюкёя [9. С. 363]. Муравьев ответил следующим образом:

«От в[ашего] пр[евосходительства] вовсе не требовалось ручательств насчет движений отряда Вели-паши, а положительно сказано было – ожидать дальнейших моих приказаний для наступательных действий к стороне Эрзерума; а потому все рассуждение Ваше, что Вели-паша может с своим войском уйти куда-либо, будучи от Вас в 85 верстах, и Вы следить за ним не можете – нахожу неуместным» [9. С. 369]. После этого командующий советует Суслову «впредь воздержаться от подобных отзывов, не позволительных ни в военной службе, ни в законах» [Там же]. По существу, Суслов просто пытается самостоятельно оценить оперативную обстановку и сделать из нее выводы – и это немедленно навлекает на него резкую отповедь со стороны командующего. Полнейшее неприятие оперативной инициативы и покушений на самостоятельность среди подчиненных были, очевидно, характерны для управленческого стиля Н.Н. Муравьева.

То, что командующий корпусом так резко пресекал активность со стороны подчиненных, не означало, разумеется, что он отказывался от оперативной активности как таковой. Напротив, в то самое время, когда он порицал Суслова за порыв преследовать турецкий Баязетский корпус, генерал Муравьев предпринял операцию против турецких провиантских складов, расположенных в селах Еникёй, Караурган и Зивин на полпути из Карса в Эрзерум. Крупные продовольственные магазины были захвачены, их содержимое частично вывезено, частично – уничтожено, а возможность противника доставить продовольствие в еще не окончательно блокированный Карс – подорвана. Еникёйская операция 17–28 июня (29 июня – 6 июля) 1855 г. продемонстрировала еще одну характерную особенность управления войсками со стороны Муравьева: оперативная активность всегда ограничивалась районом непосредственного присутствия командующего. Любые соединения, кроме того, при котором находится в данный момент Наместник Кавказский, получали пассивные задачи и, как следствие, наступление могло быть предпринято только на одном направлении и только с теми

войсками, которые генерал держал в радиусе непосредственной досягаемости.

Еще один эпизод, важный для понимания взглядов генерала Муравьева на военное искусство, – Кёпрюкёйская операция 18–30 июля (30 июля – 11 августа). Как было указано выше, после безрезультатного Сурб-Оганесского противостояния турецкие войска отступили к с. Кёпрюкёй, у которого сходились дороги, идущие на Эрзерум из Карса и Баязета. По замыслу операции, совместное концентрическое наступление Эриванского отряда и части главных сил из-под Карса должно было отрезать турецкой группировке пути отступления, разбить ее и, возможно, развить успех до самого Эрзерума [8. С. 331–332]. Генерал Муравьев снабдил А.А. Суслова подробными инструкциями, расписывающими его действия при наиболее вероятных вариантах развития событий [9. С. 372]. Не исключено, что именно это стремление предусмотреть все и дать наставления на каждый возможный случай – вместо доверия практической сметке подчиненного – стало причиной неудачного исхода операции. Эриванскому отряду А.А. Суслова и авангарду главных сил под началом полковника А.М. Дондукова-Корсакова не удалось наладить эффективное взаимодействие, и турецкий Баязетский корпус вновь сумел беспрепятственно отступить [10. С. 344–357; 16. С. 305–313]. Скованный подробными инструкциями и обеспокоенный натянутыми отношениями с командующим, генерал Суслов избрал наиболее безопасный и пассивный образ действий [17. С. 89–90]. Такая ставка на безынициативность оправдалась – последовавшее за операцией объяснение с командующим, по оценке самого Суслова, «сошло благополучно» [16. С. 313].

Кёпрюкёйская операция демонстрирует сразу две характерные особенности, присущие руководству Н.Н. Муравьева в кампанию 1855 г. Во-первых, вновь налицо стремление к предельной централизации управления – даже удаленным Эриванским отрядом генерал стремится руководить «вручную», при помощи подробных приказов, предусматривающих все вероятные варианты. Во-вторых, строгий наместник оказывается на удивление терпим к неудаче подчиненного, вызванной фактическим бездействием последнего. Как видно, если активность и инициатива со стороны подчиненного были для Муравьева, как показывает его июньская переписка с Сусловым, неприемлемы, то пассивность, даже ведущая к неудаче операции, была простительна и даже предпочтительна.

За время отсутствия командующего корпусом генерал Э.В. Бриммер, оставшийся с блокадным отрядом под Карсом, предпринял ряд крупных фуражировок вокруг крепости. Одна из них, проведенная 26 июля (7 августа), была неразумно начата в радиусе действия крепостной артиллерии, что привело к потере 38 человек убитыми, ранеными и контуженными [9. С. 384]. Муравьев, что вполне объяснимо, воспринял происшедшее резко отрицательно. Примечательно, однако, что с точки зрения наместника имела место не просто плохо организованная фуражировка, а попытка Э.В. Бриммера овладеть Карсом [2. С. 126].

Учитывая это, более чем вероятно, что Муравьева разгневали не только – а возможно, и не столько – ненужные потери, сколько предполагаемое покушение подчиненного на самостоятельную активность.

Положение блокированного Карсского гарнизона неуклонно ухудшалось, но события в Крыму развивались быстрее. После ожесточенного штурма 27 августа (8 сентября) союзникам удалось занять южную сторону Севастополя. Русское командование регулярно получало сведения о переброске вражеских войск в Трапезунд и Батум [9. С. 396–398, 400], что стало возможным в связи с высвобождением части сил из Крыма. Союзники уже давно активно обсуждали и экспедицию для выручки Карса, возглавить которую должен был турецкий военачальник Омер-паша – автор и главный апологет этого проекта [12. Р. 51–52, 54–57] – и после успеха под Севастополем могли, наконец, к ней приступить. В этих условиях русский командующий принял решение о штурме Карса 17 (29) сентября – как писал Л. Горев, «решил штурмовать крепость до прихода Омер-паши» [5. С. 210].

Интерес представляет «военный совет», состоявшийся по этому вопросу. Он, по существу, сводился к постановке задач начальникам штурмовых колонн по уже составленной и не обсуждавшейся диспозиции [15. С. 592–593]. При этом мнения о единодушии генералов Действующего корпуса насчет приступа, иногда встречающиеся в источниках [18. С. 94], не отвечают действительности и были справедливо подвергнуты критике Е.В. Тарле [1. С. 488]. Как минимум Я.П. Бакланов (причем по собственной инициативе – командующего мало интересовало мнение подчиненных) активно выступал против решения идти на приступ или, по крайней мере, выбора Шорахских высот направлением главного удара. Вместо них казачий генерал предлагал атаковать Чакмахские укрепления к северу от Карса, слабее вооруженные и предоставляющие возможность отрезать защитников Шораха от города [15. С. 596–591]. Обсуждение приняло довольно ожесточенный характер, и в конце концов командующий напомнил Бакланову о субординации, заявив, что «яйца курицу не учат, а слушают» [Там же. С. 591]. Точку зрения Бакланова (по крайней мере, в том, что касалось нежелательности приступа) разделяли, видимо, генералы П.П. Ковалевский и Е.И. Майдель [Там же. С. 593–594], считая, однако, бессмысленным возражать Муравьеву, уже принявшему решение. В итоге штурм состоялся по плану командующего, привел к потере 6 517 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести [9. С. 105], но так и не помог овладеть крепостью.

Последний крупный боевой эпизод кампании произошел на батумско-кутаисском направлении, когда упомянутая выше экспедиция Омер-паши, наступая от Черноморского побережья на Кутаис, стремилась отвлечь русские войска из-под Карса. Командующий русскими войсками на направлении генерал-майор И.К. Багратион-Мухранский преградил противнику путь на р. Ингур, имея под началом 7½ батальонов, 12 орудий и милицию [9. С. 107–108], всего 9 200 человек [Там же. С. 632]. Наступающий от Сухум-кале

Омер-паша располагал 20 000 человек при 37 орудиях [3. С. 632].

Стремясь не остановить противника, а лишь нанести ему урон, Багратион-Мухранский решил развить интенсивный обстрел неприятеля при попытке последнего переправиться, не вступая в ближний бой. Для этого он растянул большую часть сил кордоном вдоль берега реки, оставив в резерве 2 батальона с 4 орудиями. Решение оказалось сомнительным: в последовавшем 25 октября (6 ноября) бою обе стороны вступили в ожесточенную перестрелку, и к вечеру русские войска очистили позицию. Их потери заключались в 147 убитых, 245 раненных и 42 пропавших без вести, также пришлось бросить 3 орудия [9. С. 109]. Турки потеряли до 400 человек [19. Р. 113]. Огневая оборона водного рубежа приводила даже не к равному размену, что в условиях численного превосходства противника никак нельзя было назвать успехом. Учитывая это, стоит согласиться с У.Э.Д. Алленом и П. Муратовым в том, что Ингурское сражение «может служить классическим примером того, как не следует оборонять водную преграду» [4. Р. 97]. Поняв свою неудачу, генерал Мухранский отступил, больше не ища сражений и делая ставку на партизанскую войну силами местного населения, которую более эффективной в местных условиях признавал и участник кампании с турецкой стороны [19. Р. 130].

Любопытно, как это сражение – откровенно неудачное и, по строго военным соображениям, необязательное – воспринял Муравьев. Хотя потенциально от событий в Мингрелии зависело и происходящее под Карсом, реакция командующего оказалась весьма сдержанной. Не последовало ни гневной отповеди, как в июньской переписке с Сусловым, ни даже резкого осуждения, как после неудачной фуражировки Бриммера в июле. Напротив, наместник отмечал, что генерал Багратион-Мухранский – «человек со способностями и не без военных дарований» [9. С. 144], – вероятно, имел основания действовать так, а не иначе, и уповал на «известное благоразумие его» [Там же. С. 139].

Возможно, частично спокойная реакция командующего объяснялась тем, что Омер-паши он не особенно опасался [15. С. 607]. Но даже при этом остается вопрос: какое «известное благоразумие» проявилось в неудаче вдесьеро более кровопролитной, чем фуражировка Э.В. Бриммера? Принципиальная для наместника разница заключалась, по всей видимости, в том, что генерал Бриммер проявил неудачную активность, а Багратион-Мухранский – неудачную пассивность. Командующий корпусом согласен был терпеть неудачи, вызванные бездействием его подчиненных, как во время Кёпрюкёйской операции или на Ингуре, лишь бы его офицеры не покушались демонстрировать хоть малейшую оперативную инициативу и самостоятельность, храня вместо этого безоговорочную пассивность, которую он только и считал подходящей для удаленных отрядов.

Итак, на материале кампании 1855 г. на Кавказском ТВД можно выделить следующие характерные особенности руководства военными действиями со стороны генерала Муравьева:

1. Четкое выделение «решительного пункта», ассоциируемого с главными силами противника (турецкий гарнизон в Карсе).

2. Предельная концентрация сил для действий против этого пункта под началом лично командующего.

3. Пренебрежительное отношение к отдельным отрядам (Эриванский, блокадный отряд под Карсом во время Кёпрюкёйской операции), не входящим в вышеупомянутую главную группировку; отведение им строго пассивной роли.

4. Максимальная концентрация управления в руках командующего: даже удаленными отрядами (Эриванским в Кёпрюкёйскую операцию) Муравьев стремится руководить напрямую, при помощи подробных приказов.

5. Пренебрежительное отношение к подчиненным, нежелание прислушиваться к их мнению (разногласия с Я.П. Баклановым, переписка с А.А. Суловым) и стремление держать в неведении относительно замыслов командующего.

Теперь необходимо установить, как этот полководческий почерк соотносится с военно-теоретическими заветами Антуана-Анри Жомини, изложенными им в одном из его основных сочинений – «Кратком начертании военного искусства».

Прежде всего необходимо отметить, что Жомини, как правило, признают наиболее последовательным кодификатором и интерпретатором кампаний Наполеона Бонапарта в теории военного искусства<sup>1</sup>. Поэтому неудивительно, что его взгляды на стратегию, которую он определяет как «искусство располагать движениями армий на театре войны» [23. Т. 1. С. 30] (т.е. то, что в современном понимании вполне может принадлежать к сфере оперативного искусства), лежат вполне в русле наполеоновского военного искусства и видят главную задачу военачальника в максимальной концентрации сил на решающем направлении [Там же. С. 143] – против пресловутого «решительного пункта», представленного, как правило, главными силами неприятеля.

Собственные же главные силы должны быть всегда более сосредоточенны, чем противник [Там же. С. 201–202, 206], и ни в коем случае не терять чувства локтя, а отдельные оперативные соединения, не имеющие непосредственной смычки с главной группировкой, – это то, чего швейцарский теоретик требует избегать всеми силами. Такие отряды, «всегда вредные» [Там же. С. 192] и «столь гибельные для армий» [Там же. С. 220], в его глазах – худшее, что может случиться с оперативным развертыванием, и опасность выделения крупных оперативных соединений, не находящихся в зоне непосредственного контроля военачальника, красной линией проходит через труд знаменитого швейцарца [Там же. С. 192, 220, 272–273].

Организации управления Жомини отводил важное место – «хорошая система в организации управления армией и высшем направлении военных действий» [Там же. С. 97] представляется ему одним из главных компонентов правильно организованной вооруженной силы. Эта система, с его точки зрения, состоит в предельной концентрации управления войсками. Принцип строгой и единоличной централизации военного

творчества не вызывает у него сомнений – те же военные советы, на взгляд Жомини, нужны только в том случае, если обещают продемонстрировать полное единодушие насчет уже выработанного военачальником плана [23. Т. 1. С. 120–121]; идея коллективной работы не находит у него понимания.

При этом Жомини считал, что подчиненных все же невредно ознакомить в общих чертах с замыслом кампании, чтобы их деятельность могла быть более осмысленной [Там же. Т. 2. С. 135]. Он осуждает присущую Наполеону склонность держать в тайне решительно все, в результате чего нижестоящие командиры даже не догадываются о замыслах военачальника, не имея никакого ясного ориентира. Стремление давать чрезмерно подробные указания также критикуется – Жомини предостерегает от обеих крайностей, предлагая держаться золотой середины [Там же. С. 133–135].

Наконец, в интересах настоящей работы необходимо осветить взгляды Жомини на ведение горной войны. При всей своей неприязни к дроблению оперативного развертывания и отдельным отрядам, Жомини прекрасно понимает необходимость прикрывать во время действий в горах все оперативные направления [Там же. Т. 1. С. 358] и, надо отдать ему должное, оказывается выше мелочного педантизма, признавая, что теория должна уступать требованиям реальности. В условиях вынужденно дробного и широкого оперативного развертывания армия «должна отвращать это неудобство, увеличивая свою подвижность и часто переходя к наступательным действиям» [Там же. С. 362]. Это, в свою очередь, предъявляет более высокие требования к частным начальникам. Жомини, как показано выше, считал необходимым предварительное ознакомление подчиненных командиров с планом кампании, и здесь он еще раз подчеркивает необходимость давать «хорошие наставления авангардным генералам» [Там же. С. 360]. В горной войне, как ни в какой другой, важны индивидуальные качества полководца, его сметливость, дерзость и «твердая героическая воля», которая «может гораздо более произвести, чем все возможные правила» [Там же. С. 361].

Эти мысли во многом идут вразрез с основными положениями его труда и выдают в Жомини действительно выдающийся военный ум. По справедливому замечанию А.А. Свечина, «иногда получается впечатление, что Жомини писал учебник – простой и ясный – для еще молодой аудитории, а сам смотрел много глубже формулированных им положений» [20. С. 104]. Однако же последователи и читатели выдающегося теоретика, совершили в массе своей ту ошибку, которой удалось избежать ему самому, – попали под обаяние целеустремленного, прямого и простого военного искусства Наполеона, основные принципы которого талантливо очертил Жомини. Осторожные замечания о специфике горной войны в труде Жомини определенно теряются на фоне чеканных, освященных авторитетом Наполеона формул, которые в XIX в. было весьма соблазнительно принять за некий «кодекс великих полководцев».

Нетрудно заметить, что действия Н.Н. Муравьева во всех важнейших эпизодах кампании 1855 г. очень

близко совпадают с теоретическими воззрениями Жомини. Будучи блестяще образованным человеком, Муравьев наверняка ознакомился с «Кратким начертанием военного искусства» – не даром на протяжении значительной части XIX в. труд Жомини считался «удобным собранием того, что следует знать каждому генералу» [22. Р. 25]. Справедливости ради необходимо отметить, что к одному из положений Жомини генерал Муравьев пришел сам, еще до выхода «Краткого начертания...» – в 1833 г. он отмечал, что «действия главной армии никогда не должны зависеть от отдельного корпуса» [24. С. 48]. Будь это единственным общим пунктом, можно было бы говорить о ситуативном совпадении, но кампания 1855 г. может служить хрестоматийной иллюстрацией положений Жомини не только в этом, но и во многих других отношениях. Та же логика сокрушения, выливающаяся в концентрацию сил и управления, та же неприязнь к отдельным отрядам, тот же отказ от оперативного сотрудничества с частными начальниками проходят красной линией через деятельность командующего Кавказским корпусом; что же до «твердой героической воли» [23. Т. 1. С. 361], которую так ценит Жомини, то Муравьев просто блещет ею. Порой Наместник Кавказский буквально совпадает с Жомини даже в мелочах. Так, например, последний находит, что военные советы полезны только при полном единстве мнений [Там же. С. 120–121], и именно демонстрацию такого единства Н.Н. Муравьев видит единственной задачей совета, созванного им перед штурмом Карса, беспощадно расправляясь с любыми, сколь угодно дельными возражениями [15. С. 592–593]. Таким образом, многочисленные совпадения между военно-теоретическими взглядами Жомини и действиями генерала Муравьева в 1855 г. позволяют сделать более чем обоснованное предположение, что последний действовал по заветам первого. Учитывая же то господствующее положение, которое труд Жомини занимал в военной теории XIX в., это предположение превращается в уверенность: если генерал мыслит и действует полностью в духе учения Жомини, есть все основания считать его последователем Жомини.

При этом в некоторых отношениях генерал Муравьев следует примеру Наполеона даже более рьяно,

чем сам Жомини. Так, например, знаменитый теоретик считал возможным блокировать пассивного противника, запершегося в крепости, и меньшими силами [23. Т. 1. С. 190], в то время как сам Муравьев тяготел к максимальной концентрации сил под Карсом. Кроме того, Жомини отмечает желательность ознакомления подчиненных с их общими задачами в предстоящую кампанию [Там же. Т. 2. С. 135], а Муравьев, как показано выше, проявлял в сокрытии своих оперативных замыслов истинно наполеоновское рвение. В этом отношении в пору вспомнить уже приводившееся замечание А.А. Свечина: если сам Жомини, демонстрируя глубокий взгляд на военные вопросы, порой перерастал букву своего учения [20. С. 104], то многие его последователи вынесли из него лишь рафинированную наполеоновскую догму, не обратив внимания на более глубокие прозрения выдающегося теоретика. Но и при этом не приходится отрицать, что взгляды на ведение войны, продемонстрированные Муравьевым в кампанию 1855 г. на Кавказе, оставались исключительно близки к принципам, изложенным в труде Жомини.

Таким образом, очевидно, что кампания 1855 г. на Кавказском ТВД под руководством Н.Н. Муравьева несет на себе отчетливый отпечаток «Краткого начертания военного искусства». В нескольких случаях генерал Муравьев оказывается даже «большим католиком, чем сам Папа» – более рьяным последователем Наполеона, чем Жомини, но в целом его действия вполне согласуются с заветами швейцарского военного теоретика. Это позволяет с большой вероятностью предположить, что Наместник Кавказский в своей военной деятельности и принятии решений – как удачных, так и ошибочных – руководствовался предписаниями именно и конкретно Жомини. Водка, разумеется, была бы сомнительной военно-теоретической альтернативой, но есть все основания полагать, что «слепое следование стратегическим заветам Жомини» [7. Т. 2. С. 73], столь осуждаемое А.А. Свечиным, также оказало Русской императорской армии медвежью услугу. Однако ответ на этот вопрос на материале Кавказского ТВД Крымской войны – тема уже другого исследования.

## ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> См. например [7. Т. 2. С. 342–343; 20. С. 99–105; 21. Р. 155]. Возражения против такой точки зрения см. в [22. Р. 17–26].

## ЛИТЕРАТУРА

1. Тарле Е.В. Крымская война. М. ; Л., 1944. Т. 2.
2. Эсадзе Б., Эсадзе С. Тверские драгуны на Кавказе. Восточная война 1854–1856. Тифлис, 1898.
3. Богданович М.И. Крымская война: 1853–1856 гг. М., 2014.
4. Allen W.E.D., Muratoff P. Caucasian battlefields. Cambridge, 1953.
5. Горев Л. Война 1853–1856 гг. и оборона Севастополя. М., 1955.
6. Curtiss J.S. Russia's Crimean war. Durham, 1979.
7. Свечин А. Эволюция военного искусства : в 2 т. М. ; Л., 1927–1928.
8. Карсаков А. Из записок генерал-лейтенанта Муравьева о войне 1855 года в Малой Азии // Русский вестник. 1862. № 1. С. 310–341.
9. Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис, 1888. Т. XI.
10. Лихутин М.Д. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. СПб., 1863.
11. Турция, ее правительство и ее армии во время Восточной войны // Военный сборник. 1861. Т. 18, № 3. С. 43–114.
12. The siege of Kars, 1855. Defence and capitulation, reported by general Williams. London, 2000.
13. Sandwith A. A narrative of the siege of Kars. London, 1856.
14. Lake A. Narrative of the defense of Kars historical and military. London, 1857.

15. Потто В.А. Блокада и штурм Карса (по неизданным запискам П.Я. Бакланова и рассказам прочих участников в событии) // Русская старина. 1870. № 12. С. 567–610.
16. Дондуков-Корсаков А.М. Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции // Кавказский сборник. Тифлис, 1876. Т. 1. С. 289–330.
17. Плотников Д.Ю. Отношения между генералами Н.Н. Муравьевым и А.А. Сусловым и взаимодействие Александропольского и Эриванского отрядов в кампанию 1855 г. на Кавказе // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 2. С. 86–91.
18. П.Ф.К. Штурм Карса 17-го сентября 1855 г. // Исторический вестник. 1898. № 7. С. 92–110.
19. Oliphant L. The Trans-caucasian campaign of the Turkish army under Omer-Pasha. London, 1856.
20. Свечин А.А. Ударность Жомини // Стратегия в трудах военных классиков. М., 1926. Т. 2.
21. Holborn H. Moltke's strategical concepts // Military Affairs. 1942. Vol. 6, № 3. С. 153–168.
22. Elting J.A. Jomini: Disciple of Napoleon? // Military Affairs. 1964. Vol. 28, № 1. С. 17–26.
23. Жомини Г. Краткое начертание военного искусства : в 2 т. СПб., 1840.
24. Муравьев Н.Н. Русские на Босфоре. М., 2016.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 февраля 2019 г.

# **The Theory of Military Art and the Campaign of 1855 in the Caucasus: General of Infantry N.N. Muravyov as an Adherent of Jomini**

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, 448, 142–149.

DOI: 10.17223/15617793/448/18

**Dmitriy Yu. Plotnikov**, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: d.plotnikov@alumni.nsu.ru

**Keywords:** Crimean war; theory of military art; N.N. Muravyov; Jomini.

The article discusses the conduct of the 1855 campaign in the Caucasian theater of operations of the Crimean War of 1853–1856. General of infantry N.N. Muravyov, who occupied the positions of the commander of the Separate Corps of the Caucasus and the viceroy of the Caucasus, commanded the Russian forces in the course of the campaign. The article aims to establish the influence that the military theory of Antoine-Henry Jomini exerted over General Muravyov in the matters of operational art. A coherent analysis of the 1855 campaign allows identifying several characteristic features of Muravyov's leadership style and reconstruct his views on military art. The article scrutinizes such episodes of the campaign as the outbreak of the campaign both for the main forces and the Erivan detachment, Surp-Hovhannes standoff on June 20–24, Yeniköy operation on June 29 – July 6, Köprüköy operation on July 30 – August 11, E.A. Brimmer's foraging on August 7, the council of war on the eve of the assault of Kars on September 29, and the Ingur battle on November 6. The article also analyzes Muravyov's interaction with his subordinate officers, including A.A. Suslov, Ya.P. Baklanov, I.K. Bagration-Mukhransky, E.I. Maydel, and P.P. Kovalevsky. The analysis allows establishing the following characteristic features of General Muravyov's leadership style: (1) a clear identification of the decisive point associated with the main forces of the enemy; (2) an utmost concentration of forces against this point under the personal leadership of the commander; (3) a dismissive attitude toward separate detachments not included in the main forces; such detachments only play a passive role; (4) an utmost concentration of control in the hands of the commander: even in the case of separate detachments, Muravyov tries to exert direct command by issuing extensive orders; (5) a dismissive attitude toward subordinate officers, indisposition to listen to their considerations and an inclination not to inform them on the commander's intentions. The comparison of these features with the teachings of Jomini allows establishing that Muravyov's actions coincide precisely with the principles laid out by the famous military theorist. General Muravyov acts in accordance with Jomini's principles when it comes to the concentration of forces and centralization of command, a clear identification of the decisive point, a limited use of separate detachments, and individual rather than collective operational work. This allows concluding that Jomini exerted a considerable influence on the military thinking of Russian generals of the Crimean War, determining their views on the art of war to a great degree.

## **REFERENCES**

1. Tarle, E.V. (1944) *Krymskaya voyna* [Crimean War]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Esadze, B. & Esadze, S. (1898) *Tverskie draguny na Kavkaze. Vostochnaya voyna 1854–1856* [Tver dragoons in the Caucasus. The Eastern War of 1854–1856]. Tiflis: Tip. kants. Glavnonachal'stviyushchego grazhd. chast'yu na Kavkaze.
3. Bogdanovich, M.I. (2014) *Krymskaya voyna: 1853–1856 gg.* [Crimean War: 1853–1856]. Moscow: Eksmo.
4. Allen, W.E.D. & Muratoff, P. (1953) *Caucasian battlefields*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Gorev, L. (1955) *Voyna 1853–1856 gg. i oborona Sevastopolya* [The war of 1853–1856 and the defense of Sevastopol]. Moscow: Voenizdat.
6. Curtiss, J.S. (1979) *Russia's Crimean War*. Durham: Duke University Press.
7. Svechin, A. (1927–1928) *Evolutsiya voennogo iskusstva: v 2 t.* [The evolution of military art: in 2 vols]. Moscow; Leningrad: Voengiz.
8. Karsakov, A. (1862) Iz zapisok general-leytenanta Murav'eva o voyne 1855 goda v Maloy Azii [From the notes of Lieutenant General Muravyov about the war of 1855 in Asia Minor]. *Russkiy vestnik*. 1. pp. 310–341.
9. Berzhe, A.D. & Kobayakov, D.M. (eds) (1888) *Akty Kavkazskoy arkhеографической комиссии* [Acts of the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. 11. Tiflis: Tip. kants. glavnonach. grazhd. chast'yu na Kavkaze.
10. Likhutin, M.D. (1863) *Russkie v Aziatskoy Turtsii v 1854 i 1855 godakh* [Russians in Asian Turkey in 1854 and 1855]. St. Petersburg: tip. t-va "Obshchestv. pol'za".
11. *Voennyi sbornik*. (1861) Turtsiya, ee pravitel'stvo i ee armii vo vremya Vostochnoy voyny [Turkey, its government and its armies during the Eastern War]. 18 (3). pp. 43–114.
12. Coates, T. (2000) *The siege of Kars, 1855. Defence and Capitulation, Reported by General Williams*. London: Stationery Office.
13. Sandwith, H. (1856) A Narrative of the Siege of Kars. London: J. Murray.
14. Lake, A. (1857) *Narrative of the Defence of Kars, Historical and Military*. London: R. Bentley.
15. Potto, V.A. (1870) Blokada i shturm Karsa (po neizdannym zapiskam P.Ya. Baklanova i rasskazam prochikh uchastnikov v sobytii) [The blockade and attack of Kars (based on unreleased notes by P.Ya. Baklanov and stories of other participants in the event)]. *Russkaya starina*. 12. pp. 567–610.
16. Дондуков-Корсаков, А.М. (1876) Воспоминания о кампании 1855 года в Азиатской Турции [Memoirs of the campaign of 1855 in Asian Turkey]. In: Zeydlits, N. (ed.) *Kavkazskiy sbornik* [Caucasian collection]. Vol. 1. Tiflis: tip. Gl. upr. namestnika kavk. pp. 289–330.
17. Plotnikov, D.Yu. (2016) Otnosheniya mezhdu generalami N.N. Murav'yevym i A.A. Suslovym i vzaimodeystvie Aleksandropol'skogo i Erivanskogo otryadov v kampaniyu 1855 g. na Kavkaze [Relationship between Generals N.N. Muravyov and A.A. Suslov and the interaction of the Alexandropol and Erivan detachments in the campaign of 1855 in the Caucasus]. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*. 2. pp. 86–91.

18. P.F.K. (1898) Shturm Karsa 17-go sentyabrya 1855 g. [The attack of Kars on September 17, 1855]. *Istoricheskiy vestnik*. 7. pp. 92–110.
19. Oliphant, L. (1856) *The Trans-Caucasian Campaign of the Turkish Army Under Omer-Pasha*. London: W. Blackwood.
20. Svechin, A.A. (1926) Udarnost' Zhomini [Jomini's mobility]. In: Svechin, A.A. (ed.) *Strategiya v trudakh voennykh klassikov* [Strategy in the writings of military classics]. Vol. 2. Moscow: Gos. voennoe izdatel'stvo.
21. Holborn, H. (1942) Moltke's strategical concepts. *Military Affairs*. 6 (3). pp. 153–168.
22. Elting, J.A. (1964) Jomini: Disciple of Napoleon? *Military Affairs*. 28 (1). pp. 17–26.
23. Zhomini, G. (1840) *Kratkoe nachertanie voennogo iskusstva: v 2 t.* [A brief outline of military art: in 2 vols]. St. Petersburg: Tip. putey soobshcheniy i publichnykh zdaniy.
24. Murav'ev, N.N. (2016) *Russkie na Bosfore* [Russians at the Bosphorus]. Moscow: E.

Received: 20 February 2019